№ 207
-192
ЕСГ-13
Л 66 2

На врангеля

Повесть о
переволоских
б о я х

Со статьей секретариата
редакции
„История гражданской войны"

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

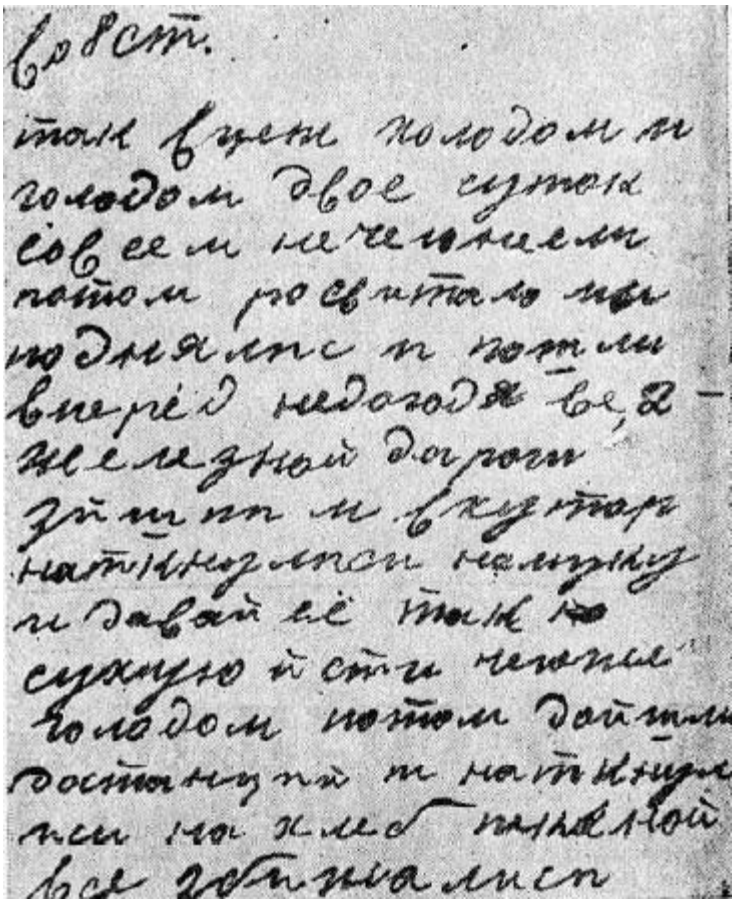
Рассказы и письма красноармейцев 268 полка 30 дивизии к событиям сентября-октября 1920 г. на Южном фронте. Собрал А. Пленков.

- На Врангеля
  -
  - А. Пленков
  - ГЛАВА ПЕРВАЯ
  - ГЛАВА ВТОРАЯ
  - ГЛАВА ТРЕТЬЯ
  - Как надо писать о гражданской войне
- notes
  - 1

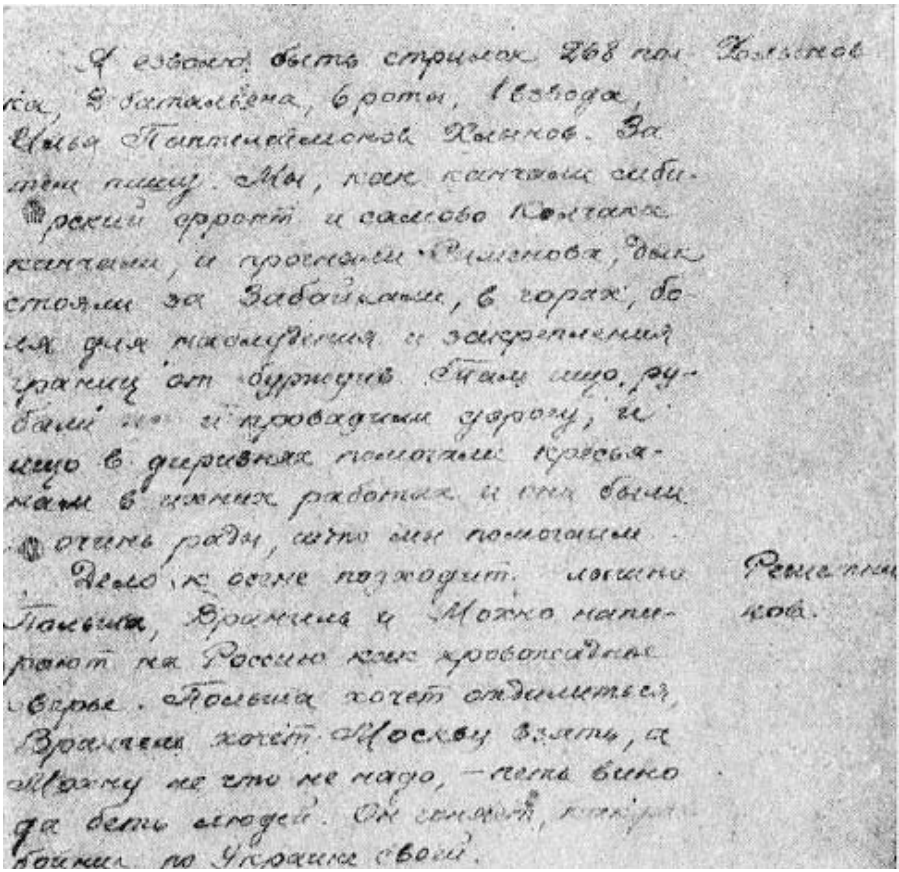
На Врангеля
Повесть о перекопских боях

Со статьей секретариата редакции «История гражданской войны»

А. Пленков
Как родился рассказ «на Врангеля»



Лист одного из красноармейских писем



Первый лист рассказа в рукописи

Автор предлагаемого вниманию читателей произведения — коллектив красноармейцев 268 полка, участников боев с войсками Врангеля. Подлинные выдержки из их писем и составляют весь текст последовательно и плавно развивающегося рассказа. Мне лишь принадлежит идея вызвать к жизни самые письма, собрать, сохранить их, чтобы затем создать из них это оригинальное произведение.

На Южном фронте, будучи политруком пешей разведки 268-го полка, я вел дневник, описывая боевые действия и жизнь полка. После разгрома Врангеля, просмотрев дневник, я нашел, что его кругозор очень ограниченный. Тогда, с разрешения военкома, пошел в роты и команды, расспрашивал и записывал о боях и жизни полка на южном фронте, собирал газеты, листовки, приказы, полевые книжки наших и врангелевцев, опрашивал пленных. Я имел намерение использовать материал для истории.

Через два месяца после разгрома врангелевщины, в январе 1921 г. я был политруком учебно-военной школы полка в дер.

Мордвиновка, около Мелитополя. В школу для учебы пришли красноармейцы всех рот и команд полка, этим я воспользовался и устроил беседу с воспоминаниями о боях на южном фронте, записал. Потом возник вопрос: почему бы красноармейцам самим не написать, что они видели и делали, что делал весь полк на южном фронте? Бойцы — из рабочих и крестьян, они расскажут простым, без литературных выкрутасов, языком, понятным для всех трудящихся. Коллектив участников южного фронта, представляющий каждый уголок полка, он действительно будет говорить о всем полке; если ошибется один, его подправят десять других. На стороне коллектива будет безусловное доверие читателя.

Я поделился мыслью с красноармейцами.

Намечено было так: все желающие напишут о том, какое участие принимала на южном фронте та рота или команда, в которой был пишущий. После сбора материала — для его обработки собраться всем.

Чтобы втянуть в писание больше красноармейцев и получить высококачественный материал, я порылся у себя в вещевом мешке и нашел лишнюю пару белья, затем снял с себя теплую рубаху и объявил конкурс с премиями за лучший рассказ-письмо, оговорившись, что вещи будут выданы только красноармейцам.

На обрывках бумаги, на архивных, царского времени документах — волостного старшины, воинского присутствия, секретных телеграммах южных ж. д. и т. д. — поступило до 25 коряво написанных красноармейских писем (ни одного красноармейца не было с средним образованием).

Чрезвычайно довольный результатами конкурса, я организую его повторно и снова получаю более двух десятков красноармейских писем.

К сожалению коллективная обработка материала писем обоих конкурсов так и не удалась. Меня перебросили на другую работу, а в августе 1921 года по болезни я был демобилизован. В пути курортный поезд, в котором я следовал домой, около станции Краснопавловка, Южных ж. д., подвергся нападению белобандитов. Чтобы спасти жизнь от бандитской руки, я уничтожил документы, но не посмел уничтожить писем красноармейцев, за сохранность которых дрожал более, чем за свою жизнь. Только благодаря счастливой случайности я и красноармейские письма вышли целыми из бандитских лап.

Болезнь моя в пути усилилась. На ст. Вологда я временно совершенно ослеп, и сумку с вещами и письмами оставил в вокзале. Через полчаса зрение возвратилось, и я был чрезвычайно огорчен пропажей сумки с письмами. Я собрал последние силы; едва

переставляя ноги, пошел по вокзалу. Сумку нашел валяющейся под диваном, в ней письма были перерыты, но все целы. Исписанные бумаги никому не понадобились. Чтобы не потерять сумку совершенно, я пришил ее к нижней рубашке и таким образом в бреду горячки довез до своего дома, в Вятскую губернию.

Обработкой писем мне удалось заняться лишь в 1924 году.

Все письма для удобочитаемости были переписаны. После этого началась кропотливая работа — выборка из всей массы наиболее ценного. Чтобы получить безусловно правдивое освещение фактов, в особенности о боевых действиях, я сличал письма между собою, и когда находил, что об одном и том же пишут несколько красноармейцев, тогда вписывал это в страницы рукописи с указанием источника; в основу бралась редакция одного из красноармейцев. В то же время я соблюдал последовательность действий и возможную стройность письма. Рукопись мною исправлялась и перерабатывалась несколько раз, пока не получила того вида, в каком она поступила в редакцию «Истории гражданской войны».

Подлинные красноармейские письма хранятся в секретариате редакции «Истории гражданской войны».

На полях книги указаны фамилии красноармейцев, из писем которых взят соответствующий отрывок.

ГЛАВА ПЕРВАЯ
С КОЛЧАКОВСКОГО НА ВРАНГЕЛЕВСКИЙ ФРОНТ

Хлынов

Я — стрелок 268-го полка, 1-го батальона, 6-й роты, 1-го взвода. Покончив с Колчаком и прогнав Семенова и Колмыкова, мы охраняли границу, в горах Забайкалья рубили лес, проводили дороги и помогали в работе крестьянам, чему они были очень рады.

Решетников

Наступила осень. Слышим, что Польша, Врангель и Махно напирают на Россию, как кровожадное зверье. Польша хочет взять Киев, Врангель — Москву, а бандиту Махно только и надо, что пить вино да бить людей. Он гоняет, как разбойник, по Украине.

У нас заговорили, что опять будем воевать. Вскоре прислали нам на пополнение молодых сибиряков.

Воскресенский

17 сентября 1920 года мы погрузились в эшелоны — и поехали. Было холодно, срывался снег. В Иркутске меня разбудили товарищи, вышел на станцию, надеясь встретить кого-нибудь из своей деревни, но никого не нашел и с досадой вернулся обратно.

Около станции Батарейки я из вагона увидел свою деревню. От нее до железной дороги всего две версты. Я с сжатым сердцем стоял и смотрел на нее.

Хаев

До Омска мы ехали скоро, до пятисот верст в сутки, иногда даже больше. Но от Омска поезда уже шли тише. Ехали мы на Москву.

В Москве на одном из вокзалов при нас пришел эшелон, украшенный разными картинами. И я обошел его с одного конца до другого. Эшелон был с Кавказа. Затем мы тронулись и поехали дальше, но теперь уже на полдень — на юг.

В дороге к нам в вагоны ломилось много народа. Все мешочники, от которых мы едва отбивались. И продолжалось это до самой Полтавы.

* * *

Хаев

Вот уже и Полтава. Здесь наш эшелон остановился. Входим на станцию, спрашиваем: «Далеко ли до Врангеля?» Нам говорят: «Врангель еще далеко, да здесь другой фронт, здесь банды Махно разрушают железную дорогу и спускают под откос поезда».

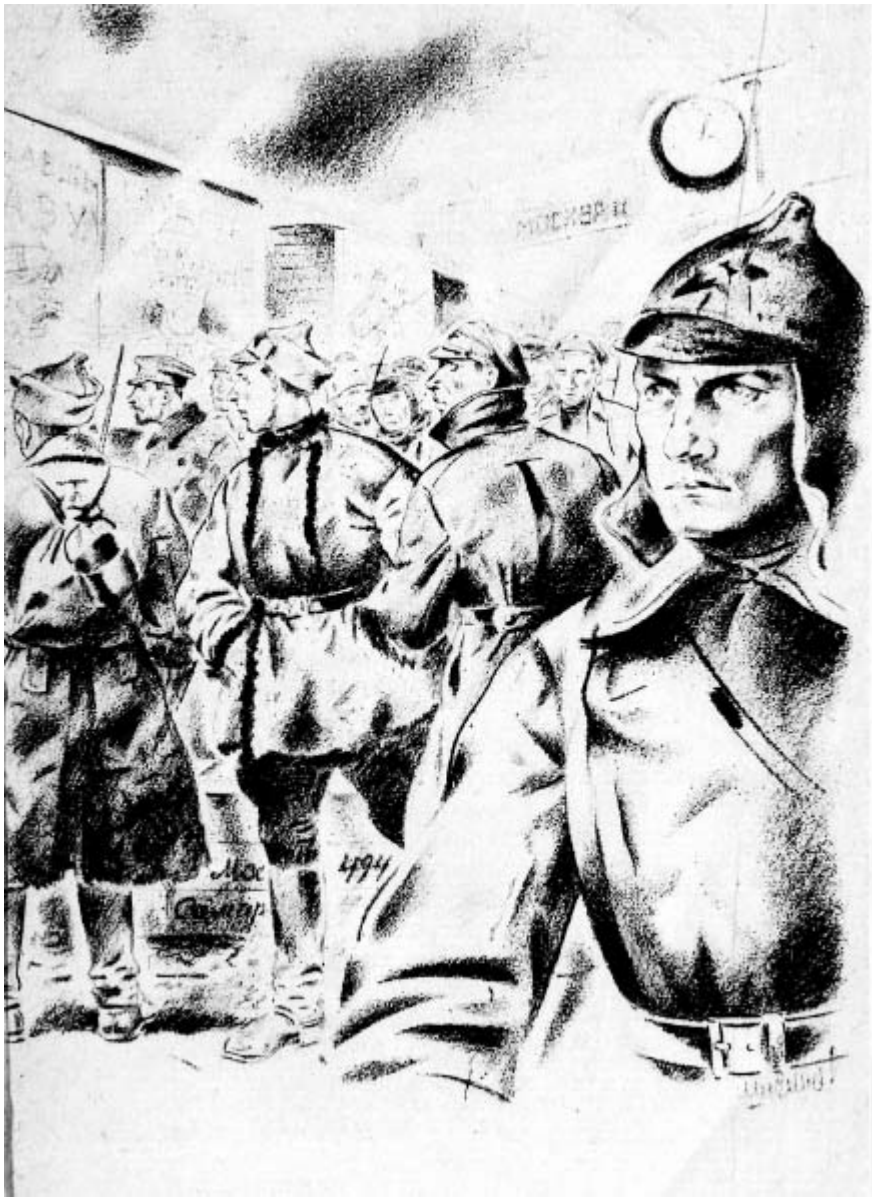
В Полтаве все солдаты нашего эшелона ходили на митинг, где и поклялись итти вперед как один. Мы ждали, что нас повезут дальше на юг, но ночью паровоз прицепили к эшелону сзади и нас повезли куда-то по ветке.

Верстах в 60 от Полтавы поезд остановили, и рано утром мы выгрузились. Это было 8 октября.

Гусаров

Деревья и крыши были белые от инея. На Украине наступила только осень, а у нас в Сибири давно уже снег валил хлопьями… Часть продуктов, не поместившихся на повозках, мы оставили под охраной 2-го взвода нашей роты. Через полчаса мы выстроились и пошли в село Белоцерковку.

Мы смотрели с любопытством на окружающую нас местность. Земля была почти вся вспахана. Навстречу нам ехали в поле на волах крестьяне с плугами. Заблестели украинские белые хаты. В степи стали попадаться хутора. Здесь селились куркули. Старое правительство помогало им, нарезая лучшие участки земли по нескольку десятин.



Нецветаев

Подойдя к хутору ближе, я увидел, что каждая хата окружена садом, иногда настолько густым, что сквозь листву ничего не было видно.

Украинец хату обсаживает плодовыми деревьями: вишней, яблонями, абрикосами. Здесь между деревьями у него и кладбище, все в зелени и цветах. Хату украинцы строят из земли, смешивая грязь с соломой, соломой же покрывают и крыши.

Воскресенский

Когда я забежал в хату попросить кусок хлеба то увидел в

углу много икон — здесь люди религиозны.

Зайдя, я не перекрестился и когда попросил хлеба, то хозяева посмотрели на меня косо и ответили: «Хлеба нема». Я догадался, что нужно помолиться на икону, тогда дадут, зашел в другую хату, раз пять перекрестился и сказал: «Доброе утро». Здесь взглянули на меня иначе. И стали приглашать. «Садись — говорят, — отдохни». Но я ответил, что мне некогда, и спросил, не будет ли у них кусочка хлебца. Они дали мне хлеба.

Гусаров

Пройдя село Белоцерковку, наш батальон остановился в хуторах, так как здесь тревожил население набегами отряд бандитов под предводительством Маруси.

Чернышев

Когда разместили нас по хатам, один из местных жителей начал нам рассказывать о здешней жизни и говорит: «Эх, товарищи, за что вы боретесь? За свободу? Но вам ее не удержать в руках, ведь кругом — шайки Махно, Матвеенко, Маруси, и все они идут против вас». А я ответил: «Ну, нас не запугаешь, мы еще увидим, что будет впереди».

Хаев

Хозяин с любопытством расспрашивал нас о порядках в России, и наши ответы ему нравились. Он рассказал нам, что у здешних крестьян земли очень мало, у некоторых и совсем нет и они арендуют ее у здешних помещиков, которых называют панами.

Воскресенский

Здесь я встретил девчат. Отнеслись они к нам с открытым сердцем. Только встретишь кого из них, сейчас же согреет тебя ласковым словом.

Они одеваются так: наденут юбку и подберут волосы, а на ногах нет ничего, босые и идут танцевать.

Кузьмин

Мы охраняли Белоцерковку от Марусиной банды, беспощадно грабившей крестьян и делавшей налеты на небольшие войсковые отряды, но оставаться в Белоцеркавке надолго мы не могли, так как спешили на фронт для того, чтобы выгнать Врангеля из Украины.

* * *

Гусаров

В полночь с 10 на 11 октября пришел приказ выступить, и мы двинулись к Решетиловке.

Мы вышли на большую трактовую дорогу. По обеим сторонам ее темнели вербы, иные из них стояли голые, с длинными сучьями, а другие казались густой кучей кустов.

У здешнего населения в лесе большой недостаток, и крестьяне употребляют вербные ветви на все свои нужды: огораживают ими огороды, дворы, оплетают клуни и сараи.

В Решетиловку мы пришли после полудня. Я так устал, что едва дотащился. Это был первый большой переход в моей жизни.

Воскресенский

Здесь постройки получше и в хатах много икон. Оттого, что село богаче — и все одеты лучше. Девчата, женщины и мужчины одеваются по-городскому.

Молотьба была уже закончена, так что я не видел, как они молотят, но все же у некоторых я заметил какие-то каменные катки. Крестьяне говорили мне, что они этими катками молотят хлеб. Помимо катков в селе есть и машины, но нигде я не видел ни одного гумна. Нет у них и овинов, нет и амбаров, без которых у нас в Сибири и прожить невозможно. Ведь мы в амбары ссыпаем наш хлеб, а здесь посмотришь — соломы много, а хлеба не видно, и где он у них, я и до сих пор не знаю. Затем у украинцев нет бань, что совсем скверно, и меня удивляет, как они живут?

Вероятно привыкли. Но ведь и привычка плохая. Они мало в бане моются. Летом выкупаются в реке, если она недалеко, и вот и все. Вот какая жизнь на Украине.

Сибирские женщины здесь хлеба испечь не сумели бы, потому что привыкли топить печи дровами, а на Украине топят соломой и кизяком. А у нас топят дровами и то часто ворчат, что они плохие, лиственные или березовые, а сосновых не берут совсем.

Мне кажется, что хорошо здесь жить летом. Воздух должен быть приятен потому, что повсюду сады и много фруктовых деревьев, чего нет у нас в Сибири, где я даже не видел, как они цветут. Но если здесь много садов, зато совсем нет пастбищ. Летом приходится всю скотину держать дома.

В Решетиловке мы были до утра, а утром отправились в Новые Сенжары. Этот поход мне показался еще тяжелее. В Новых Сенжарах нас поместили в холодной квартире, где всю ночь мы дрогли от холода.

Гусаров

Утро было морозное. Из Новых Сенжар мы двинулись дальше и, придя в Большую Маячку, расположились на ночлег. Во время следующего перехода к нам недалеко от села Топчино приехали из хуторов трое крестьян с просьбой помочь их горю. К ним ворвались бандиты и грабили все, что попадалось им под руку.

Наш командир батальона обещал послать туда людей.

В село Топчино мы вошли с песнями, и, когда расположились по квартирам, наш хозяин говорит нам: «С начала гражданской войны у нас не было таких войск. Сразу видно, что вы хорошо обучены и не похожи на всех тех, кто приходил к нам до сих пор».

Чернышов

Здесь мы хорошо поужинали. Хозяйка постлала нам мягкую постель. Утром мы двинулись к Николаевке.

Шли весело. Мы с утра узнали, что в Николаевке будет дневка. Вечером на улице в Николаевке толпились и девчата, был праздник Покрова по старому стилю. Девчата были в ситцевых юбках — «спидницах» и в ситцевых же платках — «хусточках». Парубки щеголяли в лаковых сапогах. Поужинав, мы улеглись. Часов в 11 ночи была тревога. Мы выбежали босиком за огороды, расположились в цепь и лежали так до утра, когда узнали, что бандиты убили в селе Перещепино нашего командира полка. Утром привезли убитых. Их было четверо: командир полка Лопатин, адъютант Алябьев и два красноармейца. Мы все время говорили: «Надо отомстить этому селу!» Когда мы пришли в Перещепино, один из наших полков уже разбил банду Матвеенки.

Гусаров

Я в это время был начальником караула. Привели ко мне двух пойманных бандитов, и на мой вопрос, где они были во время боя, они ответили, что ловили на озере рыбу. Тогда я велел их обыскать. Во время обыска мы нашли у них бинокль и 6 мотков ниток. Тогда я стал поступать с ними серьезно. Вижу, идут мимо нашей хаты двое здешних крестьян. Я остановил их и спрашиваю: «Откуда эти хлопцы?» Они мне сказали: «Это с балки». Я так и не понял, что обозначает это слово.

Рожков, Хаев

Убитые командир, адъютант и два красноармейца были первыми из нашего полка, павшими на Украине от рук бандитов. 16 октября в Николаевке мы торжественно хоронили убитых товарищей. На похоронах присутствовали красноармейцы трех полков, арт. дивизиона и много крестьян. Был устроен митинг и отдан салют из 8 орудий и из винтовок. За ночь было выловлено около 20 бандитов.

Гусаров, Нецветаев, Вычужанин

В Перещепино, где мы стояли несколько дней и еще ближе ознакомились с украинцами, я думал о том, как мало похожа на нашу Сибирь Украина. Заведись у нас такие бандиты, как здесь, — наши крестьяне всех бы давно переловили. А здешние жители, не обращая внимания на бандитов, винят во всем нашу власть, которая у них, как они говорят, только берет и ничего не дает. Они не сознают, что 7-й год — все война и у советской

власти самой пока нет ничего. Крестьяне хмуро смотрят на нас, и «нема ничего» — это все, что мы слышим. А когда мы рассказываем, как Красная армия разбила Колчака, они отвечают нам, что Врангеля никогда нам не взять, потому что здесь и не такие, как мы, были вояки, и то он их разбил, а мы и до фронта из-за бандитов дойти не сумеем.

Чернышов

— Вон вы, — говорят, — идете на Врангеля, а ведь у него не только броневики, есть даже и танки, а у вас только винтовки.

Рассказывали нам и про махновцев, как они до нашего прихода, разъезжая по деревням под видом коммунистов, грабили крестьян.

Но когда Махно узнал о приходе нашей дивизии, то начал плясать под нашу дудку, и через несколько дней мы узнали, что этот хитрый бандит, чувствуя, что над ним собирается гроза, присоединился к нам.

* * *

Коломцев, Колпаков, Коломцев

Проходя через деревни, мы старались разъяснить крестьянам, отчего трудно всем живется. Споров было много, но все же, когда мы уходили из деревни, было видно, что крестьяне уже иначе начали относиться и к Красной армии, и к советской власти. Крестьяне говорили нам, что раньше, как только приходили к ним красные, сейчас же давай по хате шарить и ругаться. — «А вы, — говорили нам, — смирные пришли». Конечно, бывало часто, что под видом красноармейцев грабили крестьян бандиты, но иногда грабили и наши и своими грабежами портили все дело. Мы страшно на них злились и старались загладить все их проступки. Мы обходились с крестьянами как можно мягче, никогда не обижали их и за все, что брали, им платили, стараясь не оставаться у них в долгу, а если и приходилось иногда о чем-нибудь просить их, то просили вежливо и без угроз. Хотя мы и уставали с ними в разговорах, но добивались своего, и в конце концов крестьяне начинали относиться к нам как к настоящим освободителям народа.

По пути нам встречалось много трудностей. Приходилось иногда ночевать на огородах или в поле, а если в хате, то чуть ли не друг на друге или сидя.

Придешь в деревню, а в теплые хаты не пускают, говорят, что места нет, так и приходилось нам спать на холоде.

Хаев

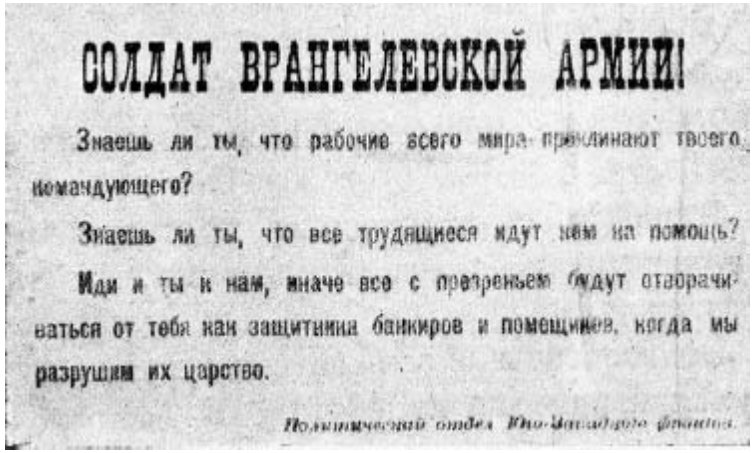
У нас нехватало часто хлеба, переходы делали большие по 50 верст в сутки, печь хлеб для нас не успевали, и, что всего хуже, не было у нас и табаку — приходилось собирать окурки.

* * *

Но мы не унывали. «Ничего, — говорили, все иначе будет! Возьмем мы Крым — проклятое гнездо белогвардейцев».

По пути крестьяне говорили нам: «Не взять вам Перекопа, у Врангеля больше 100 орудий и помощь с моря. Красные войска у Перекопа стояли зиму и весну, но выбить Врангеля так и не смогли».

Приходилось слышать много разговоров, но что бы кто ни говорил, мы все хотели только одного: взять Крым и освободить трудящихся от хищников.



СОЛДАТ ВРАНГЕЛЕВСКОЙ АРМИИ!

Знаешь ли ты, что рабочие всего мира проклинают твоего командующего?

Знаешь ли ты, что все трудящиеся идут нам на помощь?

Иди и ты к нам, иначе все с презрением будут отворачиваться от тебя как защитника банкиров и помещиков, когда мы разрушим их царство.

Политический отдел Юго-Западного фронта.

ГЛАВА ВТОРАЯ
ДОЛОЙ ВРАНГЕЛЯ ИЗ КРЫМА!

Одинцов

Комбат сказал нам, что впереди частей нет и на утро мы возможно встретимся с противником:

— Предупреждаю вас, товарищи, — добавил он, — не бойтесь и будьте спокойны, в особенности при встрече с кавалерией.

Рожков

Мы легли спать. Было приятно протянуть усталые ноги. Казалось, что так и лежал бы не вставая, но время как на зло летело быстро. Не успели мы заснуть, как сквозь сон донесся к нам крик комбата: «Ребята, подымайся!..» Мы встали и пошли. Уже недалеко расположение белых. Наш комбат выслал вперед разведку, а мы остановились. Разведка дошла до хутора Гладкова и обнаружила там заставу противника. Получив донесение об этом, комбат товарищ Ляпушкин рассыпал наш батальон в цепь.

Сухарев

Мы все прибавляли шагу и наконец бросились бегом прямо на хутор. Увидя нас, белые стали выбегать из хат. Послышалась стрельба.

Разведка столкнулась с противником. Первый батальон развернулся к примкнул к левому флангу разведки.

Кузьмин

Врангелевцы были захвачены врасплох и бежали, оставив мам два пулемета.

Выбив противника, мы остановились, дождались прихода второго батальона, снова рассыпались в цепь и пошли на деревню Карачекрак.

Рожков

Разведка выяснила, что в Карачекраке противника нет. Пройдя село, мы увидели, что впереди движутся какие-то части, и решили, что это наш 263-й полк.

Кузьмин

Послали туда конных разведчиков, с ними поехали командир нашего полка и комбат Ляпушкин, но не успели они ускакать от нас, как послышались раскаты залпов. Впереди оказался не 263-й полк, а противник. Затарахтели пулеметы. У нас в роте один пулемет стоял на косогоре у ветряной мельницы, а другой — правее у опушки леса. Наша артиллерия — 3 трехдюймовых орудия — расположилась за бугром, и, как только затрещали неприятельские пулеметы, наша батарея открыла по ним огонь.

Орудия противника стали бить по нашей батарее, но все время мимо.

Рожков

Мы видели, как противник махал нам шапками: «Идите, мол, сюда», на что красноармейцы отвечали смехом.

Мы стали делать повзводно перебежки и залегли у проволочного заграждения, где под обстрелом белых окопались.

Одинцов

Вскоре цепи белых отступили. Они пытались броситься на наш левый фланг, но наша цепь спокойно отразила все атаки. После того, как белые были отбиты, мы, выставив заставы, вернулись в Карачекрак чай пить.

Кузьмин

Стояла сырая, осенняя погода. Мы вывалились в грязи, насквозь промокли, все прозябли, с шинелей капала вода, но в деревне отдохнули и в десять ночи выступили дальше. Подул северный ветер, начал падать снег. Многие из нас, красноармейцев, шли в разодранных ботинках, а кое-кто, не имея шинели, кутался в тряпье.

Сухарев

У Бурчатска мы наткнулись на окопы белых. Наш первый батальон обошел противника и взял его под перекрестный огонь. Среди белых началась паника, им некуда было отступать.

Мы вышли сзади хат по огородам на конец села, где увидели толпившихся белогвардейцев. Они закричали нам: «Не стреляйте, мы сдаемся!» Как только мы стали подходить к ним, один из них побежал. Я бросился за ним. Кричу: «Стой!» Но он продолжает бежать. Я прибавил шагу и наконец догнал его. Он тащил с собою пулемет и винтовку. Он остановился. «Говори, ты офицер?» закричал я на него. Он ответил, что нет. «А зачем ты бежишь с пулеметом и винтовкой, а не стреляешь?» «Да, — говорит, — стрелять нельзя. Пулемет испорчен, а для винтовки у меня патронов нет».

Я опять спросил его: «Ты офицер?» «Нет», ответил он. Но я не поверил, стащил с него шубу и увидал на его гимнастерке золотые погоны. Они были крепко пришиты, и сорвать их он не успел. Я начал волноваться и говорю: «Эх, ты! — беру винтовку — защитник!» И ударил его прикладом по голове.

Он упал на колени и закричал:

— «Товарищ, я не бил коммунистов».

Но я был зол на офицеров и ударил его еще раза три, чтобы он не ожил, и пошел дальше. Этим кончился бой у Бурчатска. Когда после боя с товарищами зашел в избу, то хозяин говорит нам:

— Что же не даете вы кадетам даже чаю выпить? Только сядут, как уже бежит к ним наблюдатель: «Ох, господа, опять красные идут, давайте тикать далее, а то нас задавят!».

* * *

Мы пробыли в деревне часа полтора и пошли дальше Шли почти не отдыхая. Шли и день, и ночь холодные, голодные, — и все время гнали белых так, что их пехота не слезала с подвод и действовала одна лишь кавалерия.

Кузьмин

Перед селом Михайловским мы, думая, что оно занято противником, рассыпались в цепь, но белые ушли без боя, оставив нам много пшеничного хлеба.

Мы двинулись к селу Веселому. Опять рассыпались в цепь. Но в селе были уже наши части — 270-й Белорецкий полк. Противник отступил и здесь без боя.

Воскресенский

Отдохнуть в Веселом нам не дали. Сразу велели выходить: досадно стало. Ведь мы были голодны, давно не спали, курить нечего, а нас снова выгоняют. Но что поделаешь? На то война. И айда вперед!

Решетников

270-й полк выступил вместе с нами, но скоро свернул куда-то в сторону. Скоро пришло известие, что он окружен врангелевцами. Мы поспешили к нему на помощь, но было поздно: его уже не существовало, он был весь изрублен белыми. В этом бою участвовали 7-я и 9-я роты нашего полка. Один из спасшихся товарищей — Нецветаев — нам потом рассказывал: «Стрельба идет… Нам все жутко. Рассыпали нас цепью. Видим, что на нас скачет кавалерия белых. Командир батальона убежал, оставил нас одних. Но наш ротный тов. Куликов — очень боевой — ревет нам: „Не давайся в панику, а то все равно порубят!“ И мы его послушали и отступали, не спеша. Но кавалерия белых окружила нас со всех сторон, забрала батарею и порубила весь Белорецкий полк. Погибли бы и две наших роты, если бы не подоспела на помощь конница Буденного!»

Воскресенский

Во время следующего перехода мы увидали верстах в трех от нас как будто проволочное заграждение, но когда подошли поближе, то поняли, что мы проходим место, где был изрублен Белорецкий полк. Всюду валялись трупы красноармейцев. У многих на голове зияли страшные рубленые раны.

И мне стало очень тяжело дышать, злость сдавила грудь, и я шел мимо порубленных товарищей и мечтал о том, как отомщу врагу.

Переночевали мы недалеко от места боя.

Рожков

Большое впечатление произвел на нас слух о том, что погибшие товарищи не сдавались, а дрались, как львы, и

стреляли до последнего патрона. Красные бойцы погибли потому, что белых было во много раз больше, и рассказы об их храбрости подняли дух красноармейцев, которые теперь хотели только одного: «отомстить негодяям». И когда во время отдыха крестьяне говорили нам, что мы дойдем лишь до Перекопа, а дальше белые не пустят, то мы отвечали, что мы крепки и сознательны и никакой Перекоп нас не задержит.

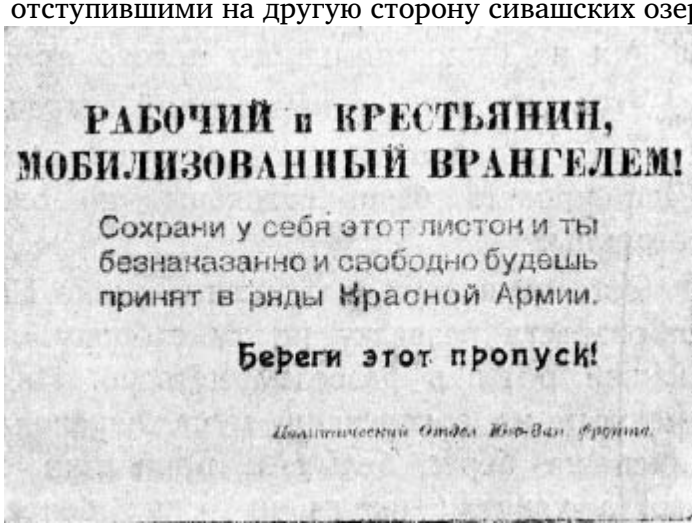
До Алексеевки мы дошли не только без боев, но даже и не видя белых. У самой станции мы заблудились. Была темная октябрьская ночь. Сколько ни плутали мы, но дорогу не могли найти, наконец наткнулись на линию железной дороги, развели громадные костры, которые были видны вероятно на много верст, отдохнули и ощупью, по шпалам, добрели до какой-то станции или разъезда, где забрались все в один дом ночевать. Было так тесно, что меня чуть не задавили…

* * *

Рожков

Мы приблизились к тому страшилищу, о котором столько говорили нам в дороге. Деревни казались вымершими, и все чаще попадались совсем разбитые или обугленные хаты и голые, разрушенные стены. С каждым днем труднее приходилось нам с питанием, но дух и настроение наши оставались прежними. «Бей врага», кричали красноармейцы.

И вот наконец Сивашский мост. Мы подходили к нему темной ночью. Над мостом стояло зарево. Он горел, подожженный белыми, отступившими на другую сторону сивашских озер-болот.



РАБОЧИЙ и КРЕСТЬЯНИН,
МОБИЛИЗОВАННЫЙ ВРАНГЕЛЕМ!

Сохрани у себя этот листок и ты безнаказанно и свободно будешь принят в ряды Красной Армии.

Береги этот пропуск!

Политический Отдел Юго-Зап. фронта.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ
ЛИЦОМ К ЛИЦУ

Алексеев

Мы подошли к станции Сиваш, от которой до моста оставалось две версты. Взводный Рачев, наш политрук и я пошли вперед на разведку. По дороге мы не встретили нигде ни одного белогвардейца. Мост догорал. На станции Сиваш мы разместились в полуразрушенных холодных хатах. Все станционные постройки сгорели или были разбиты орудийными снарядами.

Наш обоз отстал, хлеба у нас не было, и мы легли опять голодными. «Ну, ладно, — думаем, — когда-нибудь и на нашей улице будет праздник».

Кузьмин

Мы промерзли, так холодно было в хатах, ведь в них, не было ни одного целого стекла.

Утром прилетел к нам первый снаряд.

Днем мы вышли смотреть, что делается у моста. Два пролета были сожжены — по одному с каждой стороны.

Оставив караул, мы пошли обратно. Ночью нам велели произвести разведку по ту сторону моста. Пошли из нашей роты в разведку четверо. Поднялись они по рельсам на обгоревший мост, переползли его, спустились на берег белых и проползли саженей десять, когда увидели окопы и в них белогвардейцев. Разведчики вернулись и рассказали обо всем, что рассмотрели.

Третьяков, Сундырев

Хлеба у нас не было попрежнему, артельщик не везет; купить негде, никого из жителей ведь не осталось. Врангель, отступая, всех захватил с собой. Где-то откопали пуда полтора пшеницы, высушили на лопате над огнем, столкли и сварили кашу. На железнодорожной линии, на белогвардейском берегу показался броневик и, заметя нас, стал бить по нашей стороне из тяжелых орудий. На нас это подействовало. Мы все притихли. А он бьет, и бьет, и бьет…

Алексеев

На третью ночь мы опять пошли к мосту. Опять поднялись по рельсам, прошли на другой берег, видим, сидят белые в секрете, и думаем: «Что делать. Как их взять?» Двинулись по обеим сторонам насыпи, но до секрета дойти не удалось. Белогвардейцы нас заметили, несколько раз выстрелили и ушли к своим. Тогда мы продвинулись еще немного. У них в секрете в яме был

телефонный кабель. Мы его забрали и пошли дальше, бросая гранаты. Идем и видим, что на нас движется белогвардейский броневик. Мы бросились назад, а броневик открыл по нас огонь из орудия и ранил двоих наших. На броневике горел прожектор и ярко освещал всю местность. А мы бежали и думали, что останемся в плену и нас замучают кадеты. Взбираться по рельсам на мост очень трудно, а броневик все время стрелял по нас шрапнелью. Но все же добрались мы к своим.

Третьяков

На четвертый день пошел я в заставу. За изгородью и до железной дороги тянулись окопы, очень мелкие, не больше четверти аршина. Посредине их мы выставили пулеметы. Взводный велел проверить их. Мы увидели белогвардейцев, шедших из деревни в окопы. Наводчик выпустил по ним половину ленты. Через несколько минут из окопов вылезли несколько солдат и пошли в деревню. Наш наводчик выпустил по ним остальную часть ленты. Показался врангелевский бронепоезд. Наша застава начала стрелять по нему залпами, но он подошел к самому мосту и начал бить по нас картечью. Мы прижались к земле и лежали так, пока бронепоезд не ушел. Тогда мы вскочили и стали торопливо рыть окопы. Уже отходя, бронепоезд выпустил еще один снаряд. Он попал в амбар и отбил у него один угол. Наступила ночь. Вскоре нашу заставу сменили.

На пятый день весь наш взвод сидел в хате. Третий взвод был в заставе. Топилась печь. Слышим, выстрел — недолет, другой — перелет. Снова выстрел, но разрыва я не слыхал. Вдруг рядом в комнате кто-то закричал. Мы бросились туда и увидели в соседней комнате — она была разбита — трех раненых товарищей. Со стен осыпалась вся штукатурка. На окне лежали наган и бритва.

Сундырев

Снова слышим — гул по земле идет. Вот еще, опять и все сильнее, сильнее. К нам в хату вбежали несколько красноармейцев, бледные, с испуганными лицами. За ними внесли раненых. Они стонут, и их стон наполняет нашу хату. Раненые все прибывают. Прибегают два фельдшера. Всего внесли к нам в хату 13 раненых и 5 убитых. Всех их оставили у нас до вечера. А ночью их увезли. Везти днем нельзя. Противник бил по каждому, кого лишь замечал.

Воскресенский

Вечером наш взвод опять пошел в засаду. Пройдя мост, вышли мы на насыпь, где противник заметил нас. Его броневик стоял от нас в ста саженях, но мы были не из робких и открыли по нему огонь из винтовок и начали бросать в него гранаты.

Над нами ослепительно сверкнул огонь и осколком снаряда ранило стоящего со мной товарища. Я перевязал его и повел обратно. Вскоре за нами вслед пришел весь взвод.

* * *

Трухин, Воскресенский

Наш третий батальон был расположен в четырех верстах правее станции Човгар. Перед нами было широкое пространство, залитое водою. Как только противник замечал наше желание перебраться к нему на берег или высмотреть его позиции, он тотчас открывал по нас огонь из орудий, но ни в кого не попадал. Однажды мы получили приказание выяснить, где находится

наиболее отлогий спуск к воде. Где мы стояли, там берег был очень крутой и высокий. Вечером приехал помощник командира полка тов. Бакланов, привез с собою много лодок и приказал, чтобы разведчики 7-й и 9-й рот подготовили спуск лодок на воду и в ту же ночь произвели разведку.

Лодки спустить нам удалось, но трудились мы напрасно. Плыть на них было невозможно. Глубина воды не превышала четырех вершков.

На другой день Моисеев — комбат 3 — и Бакланов получили приказание во что бы то ни стало произвести разведку на противоположном берегу. Ночью были посланы конные разведчики, но переправиться вброд они не сумели. Дно было илистое, вязкое и засасывало лошадей. Одну лошадь утопили, а когда сделали попытку вытащить ее, стали тонуть люди.

Утрам противник заметил, что на нашем берегу лежат лодки, начал бить в них снарядами и вскоре превратил в щепы больше половины их. Потопленную лошадь поздно вечером нам удалось вытащить веревками, и мы ее съели. В те дни мы не получали хлеба и конину ели с удовольствием.

Тов. Бакланов послал донесение о всех им сделанных попытках переправы и в ответ получил подтверждение приказа любой ценою произвести разведку. Тогда тов. Бакланов ответил, что все, что можно было сделать, сделано, а больше никаких попыток перебраться он не предпримет, хотя бы его под суд отдали или расстреляли. На этом наши старания проникнуть к белым вброд закончились.

Алексеев

Противник обстреливал нас каждый день, но мы не очень унывали: только перестанет бить, опять у нас и смех и шутки. Кто-нибудь веселую песню запоет, ему подтянут, а часто и плясать начнут. Хозяйничать начали: в одной хате нам было тесно, и задумали мы забрать себе для жилья еще другую, но там печки не было, тогда один из нас взялся кирпичи носить, другой клал их, третий воду грел и месил глину и еще один разбитое окно закладывал. Скоро печь была готова, но только хотели мы переселиться, как бежит патруль с приказом строиться.

Стали мы спешно головы и шеи обматывать кто чем мог — и рубашкой, и утиральником, и портянками, потому что в то время стояла морозная погода, а у нас суконных шлемов мало — одни фуражки.

Покой

Построились мы и пошли. Дошли почти до моста. Недалеко стоял сарай, где крестьяне держали скотину. Велели нам итти туда и оставаться там до нового приказа. Сарай был перегорожен

надвое. Жить в этом дымном холодном помещении было очень трудно. Хлеба попрежнему нам не давали, не было у нас и табака. За трое суток один раз нам выдали по фунту с четвертью муки. Получили мы ее и думаем: что нам делать с ней? То ли заварку приготовить, то ли галушки сварить? Как зажжешь огонь, так настолько дымно в сарае делается, что глаза болят и ничего не видишь. Думали, думали — нам с этой муки — му́ка, но все же напекли лепешек — вышло по две на каждого — и съели.

Воскресенский

Хозяин нашего сарая уехал, когда начался обстрел, а до отъезда жил он в подвале. Вздумал я поискать там окурков и нашел несколько, свернул из них одну папиросу, и стали мы ее курить с товарищами, вчетвером одну. Нашел я и полфунта масла, и, когда нам снова выдали муку, оно очень пригодилось для лепешек. Но лепешки ели мы всего два раза, а все остальное время ели жженый ячмень.

Поставишь чай без чая — одну воду, заглянешь в ранец — сахар давно вышел — и станешь одну воду пить. Потом подумаешь про трубку — теперь бы славно покурить, в кисет заглянешь — нет и табаку…

Нецветаев, Нечужанин

Мы подобрали все окурки по хатам, по путям и на станции и выкурили. Пойдешь в другую роту, окружат тебя человек десять, а то больше, спрашивают: «Нет ли закурить?» «Нет» — отвечаешь. «Неделю уже не курил, — говорю им, — оттого и слабею». Не верят, обыщут, ничего не найдут и отходят — не интересен ты им. Вот был бы табак, другое бы дело, пошел бы разговор бойчее. «Хотя хлеба нет, так табаку бы!» — говорят и замолчат… Нет табака, и все! Ходишь сердитый, пока на станции где-нибудь в углу не найдешь окурка, а то и несколько, и тогда свернешь папироску и возвращаешься с радостным лицом, как будто побывал на табачной плантации.

Пойдешь к товарищам, дашь докурить и спросишь:

«О чем речи-то плывут у вас?» «Вот, — отвечают, — табаку нет, хлеба не везут». Стало быть попрежнему все тот же разговор.

Воскресенский

Когда мы лежали в цепи, я полез выше собирать окурки. В этот момент пролетел снаряд и оторвал полшпалы. Мимо моей головы как турнет! Землей меня так и засыпало и оглушило.

Плохо, плохо было стоять на Сиваше — и холодно, и голодно, и враг покоя не дает. Но вспомнишь, что Колчак у нас выделывал и как буржуи народ мучили, подумаешь про это и скажешь: «А все-таки добьемся мы свободы!»

Сидели мы в нашей халупе, как в тюрьме. Даже за водой для

чая днем сходить нельзя было, так часто падали снаряды. Идешь, когда совсем стемнеет. Принесешь воды, согреешь, а хлеба нет, раньше иногда муку хоть выдавали, а потом и ее не стало. Решил я достать конины… Пошел уже в сумерки по задворкам, вижу, лежит конь загнанный. Я ударил топором его по ляжке и разрубил ее. И заметил меня в это время наш врач и закричал: «Что ты делаешь, товарищ, ведь эта лошадь давно сдохла». «Нет, — отвечаю, — посмотри, сколько крови, видишь ее снарядом ударило по заду». А он говорит мне: «Нет, товарищ, напрасно вы хотите обмануть меня, это вы разрубили ее топором», и тотчас позвал красноармейцев и велел оттащить лошадь подальше. Но ночью мы опять ее нашли и съели.

И чем дальше, тем чаще приходилось нам питаться дохлыми лошадьми. Ничего не доставляли нам. И командир полка Кривощеков, и помощник военкома Мясков, и комбат, и ротный Усков — все конину ели…

Много перетерпели мы и холода и голода, но все вытерпели…

* * *

Рано утром 11 ноября мы подошли к мосту. Он был не готов еще, на нем работали саперы. Перешли мы мост и рассыпались по насыпи. Подошел броневик белых, стал саженях в пятидесяти и открыл по нас огонь из орудий. Не пускает дальше.

Трухин

Наша артиллерия ответила ему из трехдюймовок. И тогда дрогнула земля — загремели тяжелые орудия Врангеля и не слышно стало наших трехдюймовок.

Враг был силен и, чувствуя, что мы решили раз навсегда покончить с ним, бил по нас из пулеметов и орудий бешеным огнем.

Рожков

Долго мы тут бились, но броневики никак нас не пускают и бьют шрапнелью по узкой насыпи, где мы находились. Потом врангелевцы начали стрелять снарядами с удушливыми газами. И хотя ветром и относило газы в сторону и они стлались над водою тяжелым желтым дымом и таяли, никого не отравляя, но мы боялись их больше, чем самого тяжелого снаряда. А в это время слева у деревянного моста шел жестокий бой. Там наступали наши, а мы им помогали тем, что отвлекали силы белых на себя. Через несколько часов пришлось нам сменить наших товарищей у моста.

Хлынов

После того как бой стих, саперам понадобился лес для работы на мосту. Мы погрузили в вагоны бревна и покатили, но нас заметила неприятельская воздушная разведка и начала бросать в нас бомбы. Мы отбежали от вагонов и по приказанию рассыпались в цепь. Начало смеркаться… Лес мы привезли, когда совсем стемнело. Саперы работали всю ночь у моста. Они, как муравьи, возились у взорванных пролетов, починяя их. Темно, идет непрерывная стрельба. Как кто возьмет бревно, его сейчас же ранят или убьют, беднягу. Жутко.

* * *

Трухин

После утренней демонстрации вернулись мы на станцию,

нарезали мяса «игого» — днем было убито много лошадей снарядами — и начали варить. Хлеба не было. Варим, а нас все время торопят: «Поскорее, а то только полчаса будем стоять». Но в полчаса конину не сваришь.

Только, только вода в котле начала кипеть, как уже кричат нам: «Выходи». Суп мы вылили, а мясо взяли в руки и стали грызть его без хлеба. В зубах у нас — сырое мясо, а в руках — винтовки — и бежим!

Гусаров

Ночь была снова очень темная. Орудийные выстрелы то и дело доносились с нескольких сторон. Выйдя на железнодорожный путь, мы пошли по насыпи по направлению к мосту. Неприятель с двух сторон освещал его прожекторами. Было таинственно и страшно, как будто бы сам дьявол водил своими огнегорящими глазами при громе из орудий, трескотне пулеметов и грохоте разрывавшихся снарядов. Придя в расположение второго батальона, занимавшего караул около моста, мы заняли его халупы, а батальон пошел в наступление.

В этих хатах мы пробыли около часа, когда к нам пришел приказ выходить. В сумке у меня лежал кусок хлеба. Я получил его от хозяина халупы, в которой мы расположились, он приезжал на несколько часов для того, чтобы увезти кой-какой скарб от белогвардейского обстрела.

Когда мы выходили, мне в голову пришла мысль. «Надо, — думаю, — съесть хлеб, а то меня убьют и хлеб пропадет, да еще белый». И я принялся его есть и съел с большим аппетитом.

На меня навьючили с полмешка пулеметных кружков, я их тащил с трудом. Не дойдя немного до моста, мы остановились. Неприятель сильно обстреливал пространство вдоль линии железной дороги, засыпая нас песком и пылью. Расположились мы — одни в окопах, другие внизу за насыпью. Снаряды рвались недалеко от нас и их осколки летели во все стороны.

Лежим мы часа два. Вдруг прибегает батальонный командир и говорит, что приказано вернуться и через деревянный мост итти в обход. Мы вскочили и бегом двинулись к месту своего расположения, где нас уж ждал суп. Мне было очень досадно, что, идя в наступление, я съел свой хлеб, боясь, что меня убьют и хлеб пропадет. И из-за моего страха мне опять пришлось есть суп без хлеба.

Суворов

Часа за полтора до наступления темноты мы снова подошли к Сивашскому мосту. Неприятель попрежнему бил из тяжелых орудий по мосту и по нашему берегу, нанося нам тяжелые потери. Но, несмотря на жестоким огонь, саперы на виду у неприятеля

продолжали возиться у моста, подвозя вагонами бревна, козлы и шпалы. Среди саперов было уже много убитых и раненых, но работа не прекращалась. Телефонная связь то и дело прерывалась, и потому наша батарея почти бездействовала.

Часов в десять вечера мост был наконец готов. Мы разузнали, что на берегу против нас неприятельских бронепоездов пока что нет, и пехота начала немедленно переправу. Впереди пошли роты и пешая разведка 264-го полка, а за ними роты и пешая разведка 268-го.

В темноте наши части быстро накопили силы за мостом, на дамбе по обе стороны железнодорожного моста. В то время как хвост 268-го полка еще тянулся гуськом по мосту, главные роты двинулись с дамбы на материк.

Неприятель нас заметил и открыл огонь.

Настал решающий момент.

Раздалась команда. Прокатилось красноармейское «урра!», и роты рассыпались и хлынули вперед.

Заговорили пулеметы и винтовки. Все чаще и чаще вспыхивали огоньки в темноте ночи. Все неистовее становился гул орудий. Навстречу пулям и огню бегут, задыхаясь, люди, бегут и падают. Слышим, что и у белых прокатилось «ура!» Стало быть они поднялись из окопов и идут на нас в контратаку.

Цепь на цепь…

Бегут красноармейцы к окопам белых. Валятся, орошая кровью берег Крыма.

За упавшими бегут другие.

У проволочных заграждений — много новых жертв. Проволоку рвали — кто лопатами, кто прикладом, набрасывали на нее одежду, перелезали и бежали дальше.

— Товарищи, за мной! — слышится команда.

Во тьме катится восторженное и гулкое:

— Урра-а-а!..

— Даешь Крым!..

Первая линия окопов занята. Недавняя тревога сменилась сильным чувством радости.

И вновь бежим в темноту, дальше, глубже в Крым.

Герои дрались, как львы. Но враг был силен, и нам пришлось потерять много товарищей. Но велика была наша радость, когда он был разбит и бежал.

Рожков

Мы перекололи пехоту белых, рассыпались в цепь и двинулись дальше вдоль железной дороги. Вдруг слышим — идет к нам бронепоезд со станции. Подошел к нам и остановился, приняв нас за свою белогвардейскую пехоту, и открыл огонь по

мосту.

Потом, когда разобрался, что он в тылу у красных, быстро отошел на станцию обратно, а мы так и не сумели задержать или взорвать его. Со станции бронепоезд открыл орудийную стрельбу уже по нашим цепям, оставив мост в покое.

Ох, жарко было! Много побил он наших, многих ранил, но мы кинулись на бронепоезд «на ура», и он пошел от нас, все увеличивая ход. В этом бою был ранен наш взводный Вдовенко. Когда его вели под руки мимо нас, то он закричал: «Не падайте духом, товарищи, идите смелее!»

Пришли мы к станции. Противник уже отступил оттуда. Мы первым долгом забежали к служащим и попросили у них табака. Нам насыпали на несколько цигарок. Я закурил, зашел в другую избу и попросил хлеба. Мне дали и спрашивают: «Кто ты такой, отставший или красный?» А ответить я боюсь. Ведь я один… Но в это время в избу вошел наш комбат, написал записку и велел отнести к командиру полка, что я и исполнил. Командир сидел за столом с хозяевами избы и пил чай. Он посадил меня с собою рядом и налил мне чаю. Хозяйка принесла нам хлеба. Командир и говорит мне: «Ешь, как дома, не стесняйся — теперь Крым наш». И так хорошо мне стало. Поговорили мы с хозяином, он повеселел и угостил нас табачком.

Одинцов

Второй наш батальон пробрался через Сивашский мост, а первый — пошел в обход на Чонгарский. Впереди же нас гнал противника 266-й полк, а мы шли вслед за ним. Чонгарский мост был разбит, но справа от него стрелками нашей 30-й дивизии был построен новый. Сделан он был в виде плота… Через все озеро были протянуты бревна, по три в ряд, и по ним переходили наши части.

Ходак

Переходя через этот мост, я споткнулся о лежавшего красноармейца. Он был мертв. Я задел ремнем моей винтовки за его застывшую вытянутую руку и мне показалось, будто мертвый хочет остановить меня.

Мы подошли к проволочным заграждениям. Повсюду в поле лежали трупы людей и лошадей; здесь же валялись невзорвавшиеся мины. Много трупов висело на колючей проволоке. Мы проходили мимо них и вглядывались в их лица. Знакомых не было. Здесь погибли красноармейцы из 265-го и 266-го полков.

Эти красные герои навсегда останутся в моей памяти. Как рабочие отстаивали свою свободу на баррикадах, так эти герои, в большинстве рабочие и крестьяне, лезли через проволочные

заграждения, выбивая неприятеля из окопов, не щадя своих жизней для торжества советской власти.

* * *

От станции Таганаш дальше на юг мы уже не встречали следов боев. Врангелевцы больше не оказывали сопротивления, а бежали в панике, бросая все свои орудия и имущество.

— Даешь Крым с табаком! — кричали красноармейцы и двигались все дальше.

Воскресенский

На станции Джанкой мы увидали телегу с печеным хлебом. Красноармейцы бросились к ней и стали расхватывать караваи. Наш комбат Ляпушкин бегает, кричит на всех, но не может отогнать нас от телеги, так изголодались мы.

Покой

Около Джанкоя на хуторе послышалась стрельба из «Льюиса». Побежали мы туда и видим, что во весь карьер скачет всадник и кричит, что едут офицеры. Рассыпались мы в цепь.

Едет запряженная тройкой лошадей тачанка и из нее стреляют из пулемета. Наш командир закричал: «Стой!» Тачанка остановилась. В ней сидели двое офицеров и сестра. У них было три пулемета. Мы забрали самый лучший, забрали офицеров и пару лошадей. Остальное отдали подбежавшим красноармейцам другой части. Потом вернулись на станцию Джанкой. Там уже были махновцы. Они угостили нас табаком, но требовали, чтобы мы его не давали ни коммунистам, ни нашим командирам, но мы их не послушали и курили все вместе.

Воскресенский

В Джанкое женщины грабили взятые у белых поезда с мукой. Мешки были тяжелые, нести их было женщинам не под силу, и они катили их по земле к себе в квартиры…

Мы продвигались дальше без задержки.

Рожков

14 ноября мы без боя заняли Феодосию. Утро было для нас веселое. В городе было оживление.

Мы шли с музыкой среди обгорелых складов, разбитых повозок и брошенного оружия. По всему было видно, что белые бежали в ужасе. Жители радовались нашему приходу. Наконец они могли отдохнуть от буйства и разгула пьяных офицеров.

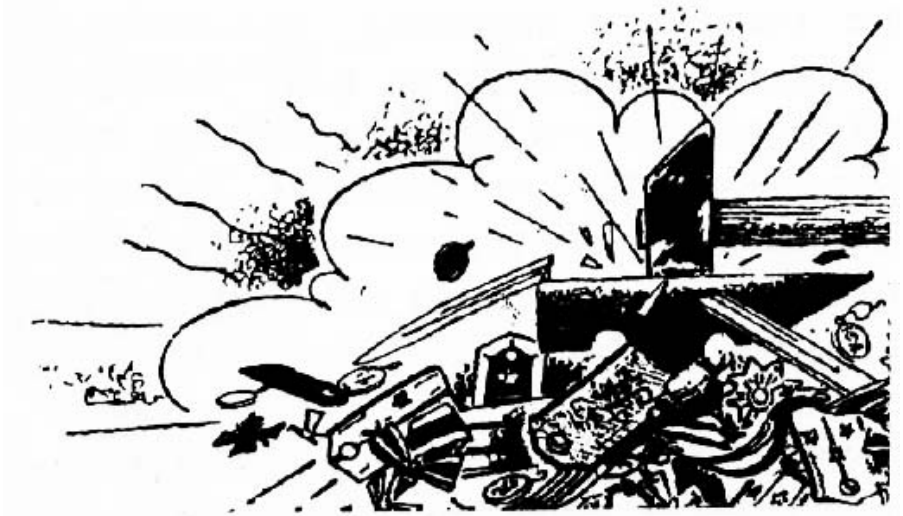
Ходак

Вечером нас потребовали в караул на станцию. С моря подошло судно и начало обстреливать станцию орудийным огнем. Наша батарея стала отвечать. Снарядом белых убило трех красноармейцев. Вскоре судно ушло.

Алексеев

Из Феодосии нас двинули на Симферополь, где нам пришлось разоружать махновцев. Произошло это рано утром. Они все спали, и в их казарме ворота были заперты. Я перелез через забор и открыл их. Весь штаб Каретникова — махновского комбрига — был арестован, но сам «батька» скрылся.

Крым стал советским.



Как надо писать о гражданской войне

Призыв ЦК партии писать историю гражданской войны нашел дружный отклик. Ударники Магнитостроя и Кузнецка, создавая невиданные в мире социалистические гиганты, пишут о боях и победах, одержанных полуголодными, полуодетыми рабочими и крестьянами Урала над армиями, организованными империалистами. Герои труда Днепрогэса в шуме и грохоте величайшей в мире стройки нашли время, чтобы рассказать рабоче-крестьянской молодежи, какой ценой далась возможность строить социализм. Строители Тракторного, одержавшие победу созданием совершенно новой отрасли промышленности, пишут о своих прежних победах, которых добились рабочие и крестьяне в борьбе против специалистов войны, против отлично вооруженных армий. Шахтеры Донбасса рассказывают о героических днях боевой страды гражданской войны.

Со всех концов необъятного Союза, с фабрик и заводов, с новостроек, из колхозов и совхозов — отовсюду, где идет и мощно растет напряженная стройка социализма, текут рукописи и материалы по истории гражданской войны.

В редакцию «Истории гражданской войны» поступило уже около 2000 рукописей, написанных активными участниками гражданской войны: бывшие красногвардейцы и партизаны Урала, повстанцы Украины, герои Сибири, приамурские и дальневосточные партизаны, бойцы и командиры, начальники и политработники Красной армии пишут о победе, одержанной под руководством партии над русскими капиталистами и помещиками, над иностранными империалистами. 50 % наших авторов — рабочие, 30 % — крестьянская беднота и трудящиеся; среди них больше 40 % коммунистов и комсомольцев. Весь этот материал просто, ярко и правдиво говорит о том, какой силой являются массы, когда ими руководит такая партия, как партия Ленина. Словом, массы творили свою историю, массы теперь ее пишут.

Не все рукописи имеют одинаковую ценность. Многие из них чрезвычайно ярко передают запах эпохи, восстанавливают такие детали, о которых принято говорить, что они делаю картину, вспоминают забытых бойцов гражданской войны и вспоминают изумительную выдержку и преданность делу социализма широких масс рабочих и крестьян.

Есть и целые труды, составленные на основании архивных

изысканий и документов, проверенных рядом участников описываемых событий.

Большая часть рукописей представляет несомненный вклад в дело создания истории гражданской войны. Без этих рукописей не обойдется теперь ни историк, работающий над документами, ни художник, пытающийся восстановить героические дни гражданской войны, обеспечившей нам возможность догнать и перегнать капиталистический мир.

Есть однако и ряд недостатков, мешающих полностью использовать этот большой коллективный труд в десятки тысяч листов.

Прежде всего отозвались не все авторы. В нашем авторском коллективе мало женщин: всего немного более 3 %. Сколько страниц было написано о женщинах — участницах великих буржуазных революций! А между тем трудно даже сравнить героизм, проявленный работницами и крестьянками, верными помощницами своих мужей и братьев, в неравной борьбе с империалистами и их русскими лакеями, — с героизмом участников прежних буржуазных революций. Там большей частью герои-одиночки, яркие, сильные образы, но образы отдельных лиц, а здесь масса, многие тысячи героинь. История гражданской войны знает бесчисленные драматические случаи, в которых героями выступали пулеметчицы, санитарки, бойцы и политработники-женщины на всех фронтах Республики. Надо разыскать этих героинь, надо восстановить их имена, надо показать, что их участием в борьбе, их выдержкой, их страданиями, их героизмом было положено начало новой истории, новой эпохи, новой, социалистической формы трудовой жизни.

Мало написано воспоминаний и работ командирами и политработниками, особенно старшим комсоставом. Конечно они — те же рабочие и крестьяне, участники тех же боев и побед, но они наблюдали войну с другой вышки и видели многое из того, что осталось незаметным для рядовых участников. Надо подтолкнуть их к участию в большой и трудной работе по созданию истории гражданской войны.

Есть и другие трудности и недостатки.

Почти пятнадцать лет, прошедшие со времени войны, — срок большой. Многие события выветрились из памяти, а то, что осталось, часто так переплетено со всей сегодняшней работой, так опутано интересами сегодняшнего дня, что автор часто передаст не то, что было, а то, что ему хотелось видеть; автор рассказывает не то, что он делал, а что сделал бы, если бы сейчас попал в то же положение.

Мало того. Все мы воспитаны на определенной литературе. У многих составилось готовое представление о боевых днях гражданской войны по прочитанной литературе. И авторы часто стараются рассказать не о тех простых вещах, которые имели место, а непременно подгоняют их под литературные впечатления и образы. Один из героев Толстого, Николенька Ростов, передавал Бергу о кавалерийской атаке, в которой он участвовал, и сам поймал себя на том, что рассказал не простой скромный факт, имевший место, а то, что принято было рассказывать, и то, что раньше читал в литературе. Так и ряд наших авторов.

В таких случаях лучше писать или рассказывать вместе с сотоварищами по боевой операции: один другого подправит, один другого пополнит, а, главное, не даст автору на себе сконцентрировать все внимание, заставит его передать действие массы, действие коллектива, действие отряда.

Многие из наших авторов в своих воспоминаниях чрезвычайно подробно рассказывают, какого цвета было небо во время сражения, как «дрожал бледный свет месяца на серебристых листах березы» (а дело происходило зимой!), как «судорожно сжимались губы противника и зло насупились брови» (как это автор заметил в темноте и на расстоянии двухсот шагов?), но очень мало говорят о том, что делали его сотоварищи по оружию, что переживали они и он сам в момент боя. Молодое поколение может и не знать, под синим ли или серым небом развертывалась героическая атака Перекопа, но обязано знать, как развертывалась эта грандиозная атака и сколько героизма проявили бойцы, атаковавшие неприступную крепость.

Очень часто авторы в качестве своих воспоминаний присылают обыкновенные автобиографии. Добро бы было о чем рассказать — автобиография иного героя стоит больше, чем целая куча воспоминаний, — но часто это просто выписка из послужного списка, и притом весьма скромная по своему содержанию: вступил в армию в 21 году, служил и работал, а в 24 году демобилизовался. Маловато.

Есть группа авторов, которые в одном воспоминании хотят охватить всю свою жизнь. Один товарищ родился в 70-х годах — правда, родился в бурной обстановке: на сенокосе, в бурю, под свет молнии и грохот грома; потом много десятков лет вел обычную трудовую жизнь, а во время советско-польской войны попал на фронт делопроизводителем обоза второго разряда. Нет спора, и делопроизводители вели нужную работу во время войны и нередко выступали в роли героев, но нужно ли исписать триста страниц о всей жизни автора (долгая жизнь!) и только пять

страниц оставить на гражданскую войну.

Ряд авторов вместо предельной простоты и правдивости в рассказе о героике гражданской войны распевают «гром победы, раздавайся» и тем самым превращают драматический эпизод в фарс. Вот к примеру рассказ об одном кустанайском герое.

> «Отправляясь в опасный путь, Плахотник из предосторожности вырядился в бравого атамана, нацепив на грудь какие-то неправдоподобные, нигде не виданные знаки отличия.
>
> По пути в Тогузак Плахотник напоролся на казачью сотню.
>
> Ничтоже сумняшеся он небрежно подозвал командира сотни. Офицер, увидев перед собой по меньшей мере полковника генерального штаба, от неожиданности скомандовал: „Смирно!“
>
> — Разрешите узнать, с кем имею честь?..
>
> Плахотник, небрежно взбросив к виску два пальца, назвал такую должность, что окончательно опешившему офицеру, прежде чем расшифровать ее, потребовалось бы окончить военную академию.
>
> — Очень, очень рад, ваше превосходительство! — закозырял он, молодцевато гарцуя перед казаками: дескать, видали, с кем разговоры ведет ваш начальник?
>
> Очевидно офицеру хотелось продлить это удовольствие. Спешившись, он кинул уздечку вестовому и доложил, почесывая рябоватый подбородок:
>
> — Мы, ваше превосходительство, разыскиваем одну сволочь, большевистского организатора Плахотника.
>
> Рука Ивана Васильевича невидимо дрогнула.
>
> — О-о!.. Этот мерзавец? Слыхал о нем, как же! Но… — Плахотник усмехнулся, — вы опоздали, господин офицер! Я сам принял меры. Его банда разогнана. — В голосе Плахотника зазвучали гневные нотки. — Я обращаю внимание вашего атамана на то, что он соизволил поздно спохватиться. Это недопустимо. А сейчас — сейчас не время заниматься каким-то Плахотником, когда под напором красных наши доблестные части бегут, мать их… извините! Вам, надеюсь, известно это, господин офицер?
>
> — Никак нет! — растерянно проговорил он. — Как прикажете быть дальше, ваше превосходительства?
>
> Игра была выиграна. Плахотник почувствовал это, и легкое, приятное изнеможение охватило его на

секунду»[1].

Что может почерпнуть из этого бахвальства наша молодежь?

Один из авторов, тов. Лихачев, кстати, написавший недурной очерк о борьбе броневых частей, пишет:

> «Алексей Максимович Горький, обращаясь к участникам гражданской войны, просил описывать, кто как сможет, отдельные эпизоды из своей боевой жизни для того, чтобы из них сложить целый очерк гражданской войны — очерк борьбы рабочего класса за октябрьские завоевания.
>
> После этого призыва я повстречался с рядом товарищей, которые в один голос заявили о том, что призыв тов. Горького разбудил в них энергию и они обязательно напишут странички из своей боевой жизни. К такому убеждению пришел и я. Писать надо, но что и как писать — это для нашего брата самая тяжелая задача. Я, как очевидно и многие другие, не раз брался за это дело, но, как только доходил до 2–3-й страницы, летопись сразу же прерывалась. В самом деле, легко и хорошо получается тогда, когда делаешь эти воспоминания на каком-либо собрании или в кругу своих товарищей, — но когда начинаешь описывать их на бумаге, это скоро надоедает, и карандаш оказывается настолько тяжел, что мне по своей прошлой профессии легче было бы перебросать тысячу пудов угля в топку паровоза, чем заниматься этой писаниной. Да и кроме того не знаешь, насколько окажутся полезными эти труды».

В том-то и штука, что не нужно ворочать пуды при писании истории, а просто записать то, что вы рассказали своим товарищам. Только и всего. Вот, к примеру, как сделал это бывший красноармеец 34-й дивизии тов. Лазарев П., рассказавший о положении красноармейцев в плену у генерала Фостикова. Автор малограмотный, действительно еле пишет, а между тем как просто и ярко приведен следующий факт:

> «…собрали нас и погнали в штаб Фостикова. Генерал Фостиков собрал нас, выстроил в 2 ряда и скомандовал: „Великое донское войско, 2 шага вперед“; те отошли, он их дальше увел и также отобрал, кто был кубанцы, казаки, отвел дальше от нас и чего-то митинговал, мы только слышали: „постараемся“. Те сволочи, с которыми

мы бились 4 года и угнали к Черному морю, которых наша милостивая рука пустила по домам, вторично пошли на нас.

Дальше генерал к нам обращается: „ваньки“, — это он нас, старых красноармейцев, называет ваньками, — „не стесняясь говорите, кто из вас коммунист. Если вы умолчите, я сейчас же вас расстреляю, а я все равно знаю, кто коммунист, вот у меня в кармане документ“, — стуча себя по кармашку. Все молчали. Потом он подходит к правому флангу, начинает считать до пяти и пятого расстреливать, говоря: „если вы не скажете“. И один, не знаю фамилии, дрогнул, затрясся, как старая баба, и сказал: „Два, говорит, Лазарева“ — другой был мой двоюродный брат, тоже Лазарев».

Как видите, автор не гнался за готовой формой, автор не мучился неверной мыслью, что писать надо как-то иначе, чем говорить, а правдиво записал то, что было, а в этом и весь смысл предпринятой нами работы. Писать просто и правдиво, не выдумывая.

Вот еще недурной пример такого правдивого и простого описания — рассказ красноармейца 253 полка о гибели пулеметчика Гусева на колчаковском фронте:

«Гусев Никита — молодой доброволец из села Покровского Свердловского округа, ложась спать, опять, как и всегда, возле себя кладет бомбу, говоря: вот эта закуска у меня не для белых, а для самого себя, так как живым в плен никогда не сдамся, а если только попаду в плен, то этой бомбой себя взорву. Так оно и вышло… Время около 11 часов ночи, уже все замолкают, некоторые начинают засыпать. Выстрел, второй, мы все соскакиваем за винтовки и за пулеметы. Выскакиваем на улицу, со стороны противника уже стрельба во-всю. Деревенька Новоселки очень маленькая, не больше 10 домов, в лесу. В Новоселках нас стояло около трех рот… Пробежав шагов пятьдесят вперед, наша цепь начала редеть — белые строчат по нас во-всю из пулеметов и винтовок. Ложимся. Мы также в свою очередь строчим. По цепи передают: командный состав у нас выбит, некому руководить боем. Попадает пуля в кожух нашего пулемета. Ранены и убиты пулеметчики. Ствол у пулемета сильно разгорелся, пулемет перестал работать. В тот момент по цепи передают: отступать в старые окопы к изгороди. Отступаем. Нет возможности тяжело

раненых взять с собой, белые засыпают пулями. Не прошло десяти минут после отступления, как слышим взрыв бомб на том месте, где стоял наш пулемет. Это раненый — наш герой пулеметчик Гусев Никита — тот, который говорил, что живой в плен не дамся, думая, что мы отступили навсегда, а он остался у белых, — взорвал себя».

А сколько у нас таких безвестных героев, творивших без шума свою работу, сколько таких бойцов, в массе своей давших победу нашей стране. Об этих тысячах и надо рассказать нашей молодежи правдиво и просто. Едва ли не лучшим образцом такого рассказа являются письма красноармейцев 268 полка, бравших Сивашский мост, воспроизводимые в этой книге. Жаль конечно, что полк в период боя шел во втором эшелоне, — герои первых рядов видимо в значительной степени погибли, — но и эти заметки, написанные просто и живо, с изумительной яркостью передают картину знаменитых боев. Вот например, что пишет о себе красноармеец Гусаров:

«…Придя в расположение 2-го батальона, занимавшего караул около моста, мы постояли, покуда батальон собрался, очистили халупы и пошли в наступление. Тогда мы зашли в эти халупы около железной дороги. Тут мне пришла в голову мысль: „Надо, думаю, съесть свой хлеб, который у меня в сумке, а то убьют и хлеб пропадет, да еще белый“. Я принялся за хлеб и с большим аппетитом его съел…

…Пролежавши таким образом около двух часов, вдруг прибегает батальонный командир и говорит, что получили приказание вернуться назад и через деревянный мост итти в обход. Мы моментально двинулись обратно и пришли на место своего расположения, где нас ждал суп. Тут для меня было очень неприятно, что, идя в наступление, я съел хлеб, я думал, что он пропадет, а теперь приходилось есть суп без хлеба».

Так безыскусственно надо писать в нашу «Историю».

Мы публикуем письма и рассказы красноармейцев, бравших Сивашский мост, не потому, что они являются лучшим образцом — среди тысяч присланных рукописей найдется еще немало блестящих поэм о героических днях гражданской войны, сколько с целью показать, как просто, правдиво и безыскусственно надо писать об истории гражданской войны.

Дело писания истории гражданской войны большое и ответственное. Силами одних историков и литераторов, изучающих этот период, даже и лучших, не поднять его, — только с помощью активных участников гражданской войны, только с помощью творивших историю можно ее написать. Активные участники гражданской войны сейчас являются в большинстве случаев и активными участниками нашей социалистической стройки. С большевистской настойчивостью борясь под руководством партии во главе с вождем мирового пролетариата т. Сталиным за построение социализма, в железном грохоте строительства, в непрерывном напряжении труда, в настойчивом стремлении поскорее и получше выполнить задания партии и правительства многие из них думают: нам не до истории. Этим товарищам надо напомнить то, что говорил великий руководитель нашей революции — Ленин, когда опубликовал свои тезисы о Брестском мире;

«Теперь не до истории, могут сказать, пожалуй. Да, если неразрывной, непосредственной практической связи прошлого с настоящим по известному вопросу нет, тогда допустимо утверждение подобного рода» (Ленин, XXII том, изд. 2-е, 289 стр.).

Именно такая неразрывная, непосредственная практическая связь существует между историей старой интервенции и тем, что готовят сейчас империалисты против нас. Империализм гниет под ударами углубляющегося кризиса и расползается по швам. Десятки миллионов людей обречены на голод и вымирание. Все достижения многовековой человеческой культуры поставлены под сомнение. Наука, техника объявлены одной из причин зла. Мракобесы церкви снова пытаются вернуть мрачные времена средневековья, а империалисты, ища выхода из кризиса и от наступающей на пятки революции, готовят новый поход против страны социализма. Организаторы старой интервенции подводят итоги прежним неудачам и открыто предлагают свои услуги для новой интервенции тем чаще, чем выше, шире, глубже и успешнее строится социализм в СССР.

«История показывает, что война — удел человеческой расы. За исключением только кратких и случайных перерывов, на земле никогда не было мира», так закончил свой пятитомный труд о войне и интервенции Винстон Черчилль, руководитель и вдохновитель недавней интервенции.

Над Страной Советов снова нависают тучи войны.

Участвовать в писании истории гражданской войны, подытожить героический опыт миллионов борцов, поделиться опытом с новыми миллионами молодых защитников Советской

страны — значит и готовиться к борьбе с новой интервенцией.

СЕКРЕТАРИАТ РЕДАКЦИИ «ИСТОРИИ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ».

notes

Примечания

1

К. Борозенцов. «За власть Советов». О той, как кустанайские партизаны боролись против Колчака в 1918–1919 гг, Гихл. 1932 г, Стр. 74–75.